

сторінок духовного життя нашої батьківщини, що й становить перспективу подальшої роботи.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бондарева Е. Под сенью Святой Троицы / Е. Бондарева // Журнал Московской Патриархии. – 1999. – № 7. – С. 21 – 30.
2. Герман О. (Подмошенский). Цена святости: воспоминания о Свт. Иоанне Шанхайском / О. Герман (Подмошенский). – М.: Русский Паломник, 2010. – 127 с.
3. Зёрнов Н. М. Русское религиозное возрождение в XX веке / Н. М. Зернов. – 2-е изд. – Париж, 1991. – 368 с.

Пузанова-Красикова Т.А.,
старший преподаватель ХГУПТ
(г. Харьков, Украина)

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРИОРИЗАЦИИ

У статті розглядаються проблеми, пов'язані зі збереженням ідентичності мовленнєвої особистості у процесі зіткнення з іншою мовленнєвою культурою.

Ключові слова: *ідентичність, соціалізація, лінгвокультурний простір, структура сприйняття, об'єктивний світ речей, суб'єктивний світ мови*

В статье рассматриваются проблемы, связанные с сохранением идентичности языковой личности в процессе соприкосновения с чуждой языковой культурой.

Ключевые слова: *идентичность, социализация, лингвокультурное пространство, структура восприятия, объективный мир вещей, субъективный мир языка.*

The article deals with the problems related to saving the language personality identity in the process of getting in touch with foreign language culture.

Keywords: *identity, socialization, linguistic-cultural space, perception structure, objective world of things, subjective world of language*

В научной литературе культурная идентичность определяется как «символ самосознания, который включает образ мира, систему ценностей и менталитет той группы, к которой принадлежит индивид» [1, с. 145].

Преподавателя русского языка как иностранного (РКИ), в первую очередь, интересует идентичность языковой личности, поскольку она оказывает влияние на характер дискурса.

Личность формируется в рамках родной культуры. Она впитывает в себя многие проявления коллективной ментальности, которая отражена в особенностях культуры, в выборе того или иного типа поведения, способности обращать внимание на определенные стороны существования мира, в формировании правил и норм и их выполнении, религиозных предпочтениях – всего того, что принято называть «коллективной ментальностью».

Процесс социализации каждой личности и предполагает определенную «шлифовку», связанную со многими факторами, среди которых – этнический, географический, экономический и другие.

Языковая идентичность занимает в сознании человека особое и отнюдь не маловажное место. Достаточно вспомнить о борьбе народов за право говорить на родном языке и о том, что иногда она приобретает крайне ожесточенные формы. Человек может владеть множеством языков, но всегда на первом месте в его сознании стоит родной язык – первый усвоенный язык общения. Кроме этого, в культурном сознании личности закреплён национальный язык (или два национальных языка), а также официальный язык, на котором печатаются документы и которого придерживаются официальные сайты. В некоторых странах, бывших колониях, к примеру, Франции или Англии мы можем наблюдать весьма причудливую смесь – это может быть владение арабским, французским, испанским и другими языками.

По мнению ученых, «...благодаря языку члены общества обучаются очень многому, в том числе и структуре восприятия. Мы понимаем и воспринимаем мир не таким, как он существует, а лишь таким, каким он спроецирован на экран культуры и выражен в языке. Специалисты убеждены: человек живет не столько в объективном мире вещей, сколько в субъективном мире языка» [2, с. 95].

Преподавателю РКИ нужно учитывать, что когда человек попадает в иное лингвокультурное пространство, нужно быть готовым к тому, что его языковая идентичность определенное время не будет восприниматься так, как она воспринималась в родной стране, что он не сможет адекватно выразить свое «Я» на языке, который будет понят жителями чужой страны, что будет существовать определенный барьер в изучении и восприятии культурно-специфической информации этой страны, что приведет к невозможности на первых порах правильно определить свое место в инокультурном социуме.

Преодоление таких барьеров входит в задачу педагога, и немаловажную роль в решении этой задачи играет степень готовности к диалогу, к общению. Среди других способностей эта едва ли не является самой важной, потому что, как полагают исследователи, русская ментальность предполагает «изначальную предрасположенность к межкультурному общению, истоки которой следует искать в философствующем взгляде на мир, нравственной неудовлетворенности русского человека, постоянном стремлении к самосовершенствованию, природном любопытстве, отсутствии желания осудить или принизить другие культуры» [1, с. 167].

Однако в первое время студент, приехавший в чужую страну для учебы или для налаживания долгосрочного бизнеса, испытывает «культурный шок». Привычные для него стереотипы поведения не работают. Возникает психологическая

разбалансировка между самовосприятием и восприятием со стороны других людей. Поскольку общение неэффективно, личность начинает испытывать дефицит информации – психологической, социальной, эмоциональной. Человек чувствует себя «за бортом», он поневоле проходит через стадию маргинальности, на данном этапе он не может понять и принять ценности чужой культуры.

Ученые обращают внимание на то, что «...почти никогда ценностные различия не манифестируются в эксплицитном виде – они обычно закодированы в языке и поведении коммуникантов. Неверное их раскодирование приводит к фрустрации и коммуникативным ошибкам. Поведение инокультурной группы может вызвать у человека чувство неприязни, стремления объяснить непонятные поступки путем атрибуции ее членам мотивов, основанных на ранее усвоенных стереотипах» [1, с. 231]. Все это может привести к временной или даже постоянной изоляции, что приводит к тому, что индивид испытывает боль, что чаще всего приводит к депрессии.

Ситуация осложняется тем, что люди, находящиеся в этом состоянии, не могут объяснить причины своего душевного состояния. Чаще всего они объясняют их не незнанием языка, а неприятием другой культуры, где все не так, как то, к чему они привыкли. Кроме изоляции, есть и второй путь, по которому иногда поневоле идут иностранные студенты. Это быстрое приспособление

к местной культуре, но через поверхностную имитацию, без проникновения в концептуальное пространство чужой культуры. Когда на украинском базаре вы слышите, как арабский продавец пряностей и сладостей говорит покупателям: «Дякую!» или «Будьте здорові!» - это как раз тот самый случай.

Межкультурная трансформация – это трудный переход от тяжелой работы по освоению чужих концептов, по преодолению рамок привычных стереотипных реакций, по переходу границы, разделяющей две лингвокультуры, по преодолению когнитивного диссонанса и многого другого. Нужны совместные усилия и преподавателя, и студента в преодолении возникающих проблем. Этот переход не происходит автоматически, даже если человек живет долго в иной культурной среде. Общеизвестно, что часто иммигранты так и остаются «по ту сторону» жизни и культуры нового общества. Они образуют обособленные миры и почти не вступают в общение с представителями доминирующей лингвокультуры. Ничего хорошего в этом нет, потому что время в иммигрантских общинах останавливается, люди мысленно «застывают» на точке выезда из своей страны и не получают полноценной информации ни из своей покинутой страны, ни от местного населения. Безусловно, это приводит к некоторой деградации, и этап маргинальности в данном случае становится не промежуточным, а конечным.

Следует помнить, что языковая личность многомерна и многогранна. Она представляет собой труднообъяснимый и почти не подверженный анализу и расчленению сплав коллективных черт (определяемых как коллективная языковая личность) и индивидуальных характеристик. Связь между этими частями сплава настолько тесная, что очень трудно отделить одно от другого. Коллективные черты складываются из множественности повторений на уровне временной оси и в рамках одного ограниченного времени, а индивидуальные черты вырастают из коллективного языкового опыта, который складывался на протяжении тысячелетий.

Идентичность языковой личности – всегда продукт социальный, поскольку каждая языковая индивидуальность отождествляет себя с другими и одновременно анализирует себя в сообществе других. Концепты как базовые элементы языка являются общими для представителей одной лингвокультуры. Однако и на уровне разных лингвокультур возможны совпадения в фокусировке и членении концептуального пространства. Например, при работе русского преподавателя со студентами из большинства стран Африки возникает совпадение по полихронности восприятия, что выражается, например, в способности вести полилог и одновременно слышать голоса собеседников и улавливать смыслы речи каждого. Такая и другие особенности, безусловно, облегчают работу в рамках интенсивных курсов преподавания и должны быть

успешно использованы, потому что помогают заполнить межконцептуальное семантическое пространство.

Если в группе студентов находятся носители двух или трёх языков, то работа преподавателя существенно облегчается. Бикультурные личности уже совершили переход от одной системы концептуализации действительности к другой. Они расширили свою концептосферу, они привыкли пользоваться для более точного выражения своей мысли средствами другого языка и, таким образом, вхождение в новую лингвистическую систему для них не является такой проблемой, как для монокультурных студентов.

Межкультурная трансформация ни в коем случае не требует полного вхождения в иной культурный мир. Это, вероятно, и невозможно, и не нужно, поскольку терять свою языковую идентичность совсем ни к чему. Но формирование когнитивной гибкости, которая позволяет человеку посмотреть на мир по-другому и осознать массу межкультурных различий, и отчасти преодолеть их, чтобы получить возможность расширить рамки своей концептуальной сферы, – достойная и необходимая задача в нашем информационно напряженном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию: учебное пособие / О.А. Леонтович – М.: Гнозис, 2007. – 368 с.
2. Кравченко А.И. Культурология: учебное пособие для вузов / А.И. Кравченко – М.: Академический Проект, 2000. – 736 с.